

СНЫ

Бежит Санька по лугу босиком, по росе, солнцу навстречу. Ветер в лицо, волосы развеваются, рубашка расстёгнутая, словно крылья за спиной. Хочется ему ещё быстрее. Да ноги почему-то не слушаются. Вспоминает тут Санька, что летать может.

– Отчего же я тогда бегу? – спрашивает недоумённо себя.

Руки в стороны выбросил, ногами от земли чуть оттолкнулся. Вниз куда-то она устремилась, и летит он теперь над лугом, задыхаясь от счастья его переполняющего, в солнечных лучах купаясь.

Проснулся, рукой по затылку на голове провёл. На часы смотрит, да никак не разберётся, что стрелки показывают. Чувства настолько реальны... Может, и вправду летать он умел, в детстве, да забыл потом.

Обычно сны свои Антонов Александр Николаевич не помнил. Вроде бы и не было совсем ничего. Провалится куда-то, а наутро звонок будильника из небытия вырывает. До обидного безынтересно треть жизни проходит. Но всезнающая наука успокаивает, говорит, что сны у всех бывают, только помнит их потом не каждый. И беспокоиться по этому поводу не надо. Отдыхает без снов организм лучше, качественнее. Верил Антонов науке в этом вопросе, но всё-таки ждал. Изредка, раз в два-три месяца, выдавало ему подсознание желанное из необъятных тайников своих. И был для него сон маленьким чудом, будто в детстве волшебная радуга после дождика. Знал он свои последние сны наперечёт, забыть боялся. Часто вспоминались они. Точно марки, которые когда-то собирал, рассматриваешь свои сокровища, и каждый раз что-то новое открываешь. Самые значимые марки – старинные.

Стоит Сашка Антонов за партой, а Пётр Андреевич, не спеша, его тетрадь с домашним заданием рассматривает. Медленно страницы переворачивает, словно забыл про весь класс, забыл, что урок идёт. И чем дольше молчит учитель, тем большее беспокойство Сашка испытывает.

– Списали вы, Антонов, решение этих задач, – печально так говорит, никакого сомнения в словах его нет.

Оторвал глаза от тетради и внутрь Сашки заглянул.

– Выходит видимость для вас важнее наличия самих знаний, – удивленно так, с обидой сказал и не спросил вовсе.

И хочет сквозь сон Александр Николаевич вмешаться, оправдаться как-то, сказать что-то.

– Не молчи ты, лопух эдакий!

Знает он, что дальше будет. Но молча, Сашка глаза отводит.

– Мы с вами Антонов, как разведчики были, – вздыхает Пётр Андреевич, – каждый из нас часть снаряжения нёс, свои обязанности выполнял. Всё по договорённости. Я ведущий, за карту и путь отвечаю. Объясняю, как трудности преодолевать. А из вас плохой товарищ вышел, положиться на вас нельзя. Из своего вещмешка снаряжение незаметно выкладываете, чтобы путь облегчить. Вот, мол, я, рядом со всеми ползу... А случись что... Не могу я, Антонов, как командир за вас ответственность нести, на вас рассчитывать... Вам видимость победы нужна. Трудностей не желаете. Хорошо. Садитесь, Антонов. Ставлю вам оценку... пять.

Просыпается без будильника Александр Николаевич. Только что за партой стоял. Раннее утро. Скоро сына в школу будить. Время есть, да не заснёшь уже. И видит он продолжение сна, разве что глаза открыты.

Вспоминает, как задания готовил, засиживаясь допоздна, как тщетно руку тянул, показать себя желая... Только долго его ещё не замечал Пётр Андреевич. Подводит он в классе итоги трудной контрольной работы. Вздыхают счастливо те, кто четверки получили. Одна пятёрка на весь класс. Обидно до чего. И лучше всех Сашка к урокам был готов, только будто и не было его в классе. Пустое место. Пришло время – экзамен сдал комис-

сии на пятёрку. Заслуженную пятёрку. Обижен был на учителя, хоть и пожал он тогда его руку.

Много позже понял Александр Николаевич, что не с каждым бы из ребят учитель так поступил. Может быть, и годился этот «ключик» лишь для него одного. Пришёл в школу родную, хотел повидать Петра Андреевича, да не было в живых того уже. Осколок у сердца, говорят, дал себя знать. Умер человек. Во снах теперь разве что и встретишься.

Старые марки, они самые дорогие.

23.07.95